

ключ
наталья жернова

Наталья Жернова

Ключ

<https://litres.ru/74177973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Рощин работает над загадкой артефакта, найденного в сибирской тайге. Ключ — объект неизвестного происхождения. Не поддающийся законам физики.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Жернова

Ключ

Глава 1

Лёд.

Они нашли его на глубине двухсот тринадцати метров. Бур остановился сам. Просто перестал вращаться — без перегрева, без аварийного сигнала, без видимой причины. Оператор доложил: «Отказ техники». Илья поднял руку, останавливая смену, и посмотрел на показания датчиков. Приборы не фиксировали ничего. Температура: минус пятьдесят по Цельсию. Давление: в норме. Состав породы: базальт, лёд, углеродные включения. Все параметры — в пределах ожидаемых. Но бур стоял. — Меняйте коронку, — приказал он. Коронку сменили. Бур не сдвинулся ни на миллиметр. Илья надел термокостюм, спустился в шахту сам. Ствол скважины уходил вниз узкой ледяной трубой — два метра в диаметре, стены армированы композитом, подсвечены гирляндой аварийных огней. Вентиляция гудела надсадно, гоняя воздух, обжигающий лёгкие. Он положил руку на забой. Лёд был тёплым. Это было невозможно. Тепловизор показывал минус сорок семь. Но ладонь чувствовала тепло — слабое, едва уловимое, как от свечи в соседней комнате. Илья убрал руку.

Лёд продолжал светиться. Нет, не светиться — мерцать. Глубоко внутри, метрах в трёх под забоем, пульсировала точка света. — Поднимайте керн, — сказал он в рацию. — Аккуратно. Очень аккуратно.

--- Керн подняли через четыре часа. Цилиндр спрессованного льда — три метра в длину, двадцать сантиметров в диаметре — уложили в теплоизолированный контейнер и доставили в лабораторный модуль. Илья сам вскрыл контейнер, сам закрепил керн на станине. Внутри что-то было. Он видел это даже сквозь толщу льда: тёмный силуэт, десять сантиметров в длину, форма — вытянутая, с асимметричным утолщением на конце. Похоже на старинный ключ.

— Что это? — спросил кто-то за спиной. Илья не обернулся. Он знал голос Кости Громова — геолога, его правой руки, его единственного друга в этой экспедиции.

— Не знаю, — сказал Илья. — Но бур встал прямо над ним. Как будто его остановили.

Он достал лазерный скальпель и начал срезать лёд. Слой за слоем, миллиметр за миллиметром. Лёд уходил паром, оседал инеем на стенах. В лаборатории становилось холоднее — или это у него просто кровь стыла в жилах от предчувствия. Через час объект лежал перед ним на стерильной подложке. Это действительно напоминало ключ. Десять сантиметров в длину, стержень с утолщением-бородкой, сложная геометрия, несимметричная, но удивительно гармоничная. Материал не поддавался идентификации — спектро-

метр молчал, выдавая нули по всем диапазонам.

— Техноген, — сказал Илья. — Вопрос: чей? Костя подошёл ближе, склонился над объектом. Его дыхание коснулось поверхности — и объект отреагировал. По стержню пробежала волна света, тёплая, золотистая, и в центре, в «ушке» ключа, открылась точка. Зрачок.

— Он живой? — прошептал Костя. Илья не ответил. Он смотрел на объект, и внутри у него росло чувство, которое он не испытывал с тех пор, как был аспирантом и впервые увидел спектрограмму древней звезды. Чувство, что реальность только что стала больше.

— Записывай, — сказал он. — Объект «Ключ». Глубина залегания — двести тринадцать метров. Возраст льда вокруг объекта — восемьдесят тысяч лет, плюс-минус пять. Материал не идентифицирован. Реакция на человеческое дыхание — есть. Реакция на Он осёкся. В лаборатории загудели приборы. Все разом — спектрометр, осциллограф, магнитометр, даже кофемашина в углу. Гул нарастал, переходил в визг, и сквозь этот визг Илья слышал голос. Появилась голограмма. Звёздное небо, чужая земля, огромная луна на горизонте. И чей-то голос: «Мы оставили это вам.» Визг прекратился. Приборы умолкли. Кофемашина выключилась. Илья и Костя стояли неподвижно, глядя на объект. Тот лежал на подложке — обычный, тёмный, холодный. Свет в «зрачке» погас.

— Ты слышал? — спросил Костя одними губами.

— Слышал. Костя отступил на шаг. Его лицо побледнело, на лбу выступил пот. Илья знал, о чём он думает: протокол предписывал немедленно оповестить Москву, зафиксировать данные, прекратить все работы и ждать спецборт с комиссией.

— Мы должны сообщить, — сказал Костя. — Сообщим. — Прямо сейчас.

— Сначала я хочу понять, с чем мы имеем дело.

— Илья.

— Час. Дай мне час. Костя колебался. Потом кивнул и вышел из модуля. Илья остался один. Он сел перед объектом и долго смотрел на тёмный стержень. Восемьдесят тысяч лет. До человека. До неандертальцев. До всего, что можно назвать цивилизацией. Кто-то оставил это здесь — и ждал. Он протянул руку. Пальцы зависли в миллиметре от поверхности. Тепло. Слабое, едва уловимое — как дыхание спящего. — Кто ты? — спросил он тихо. Объект молчал. Илья коснулся его. --- Первое, что он почувствовал, — холод. Не физический — тот шёл изнутри, из какой-то глубины, о существовании которой он раньше не подозревал. Холод, смешанный со страхом. Чужой страх. Страх объекта. Илья отёрнул руку. Кончики пальцев онемели. «Мы оставили это вам». Кому — вам? Человечеству? Конкретному человеку? Ему, Илье Рошину, геофизику тридцати семи лет, который искал кратер, а нашёл нечто неизмеримо большее?

Он встал и подошёл к спутниковому терминалу. Вклю-

чил, набрал частоту. Сигнал ушёл в небо, отразился от спутника, упал в Москву. — База, это экспедиция «Таймыр-три». Код красный. Обнаружен объект внеземного происхождения. Повторяю: внеземного происхождения. Запрашиваю эвакуацию и спецборт. Ответ пришёл через минуту. — Экспедиция «Таймыр-три», вас поняли. Ждите. Конец связи. Илья выключил терминал и выглянул в окно. Полярная ночь стояла над лагерем — чёрная, беззвёздная, пронизанная только зелёными прожилками северного сияния. Палатки, буровая вышка, вездеходы — всё казалось крошечным, игрушечным, случайным на этом бесконечном ледяном поле. Где-то далеко, у горизонта, зажёгся огонь. Илья прищурился. Огонь? Здесь, на Таймыре, в трёхстах километрах от ближайшего посёлка? Нет, не огонь — прожектор. Луч света, пробивающий тьму. И ещё один. И ещё. Вертолёты. Три. Нет, четыре. Шли на бреющем, без опознавательных огней, чёрные, угловатые — не гражданские и не военные, что-то другое, что-то, о существовании чего Илья предпочёл бы не знать.

Он бросился к двери. — Костя! Тревога! Лагерь взорвался движением. Люди выбегали из палаток, натягивая термобелье. Оператор буровой схватился за карабин — бесполезный, смешной жест. Вертолёты уже висели над лагерем, и из их чрева сыпались тени — быстрые, чёрные, вооружённые до зубов. Первый выстрел разорвал тишину пополам. Пуля вошла в снег в метре от Ильи. Он упал, перекатился, вско-

чил — и побежал. Не к палаткам, не к вездеходам — к лабораторному модулю. К Ключу. Сзади кричали. Стреляли. Кто-то упал — он слышал звук падения, глухой, окончательный. Краем глаза видел, как Костя бежит в другую сторону, размахивая руками, что-то крича — и падает тоже. Илья ворвался в модуль. Схватил Ключ со стола — тёплый, живой, пульсирующий в ладони. Обернулся. В дверях стоял человек. Чёрный шлем, чёрная броня, прибор ночного видения вместо левого глаза. Автоматическая винтовка смотрела Илье в грудь. — Положи, — сказал человек. Голос был спокойный, ровный, даже скупающий. — Положи объект, и останешься жив.

— Кто вы?

— Неважно. Ключ. Илья отступил на шаг. Лопатки упёрлись в стену. Винтовка следила за ним, как змея.

— Ты не понимаешь, — сказал человек. — Это не твоё. Ты даже не представляешь, во что вляпался.

— Просвети.

— Некогда. Палец лёг на спусковой крючок. И Ключ заговорил. Ослепительная вспышка ударила из «зрачка», заполнила комнату, превратила мир в белое безмолвие. Человек в шлеме вскрикнул, схватился за голову, выронил винтовку. Илья рванулся вперёд — не думая, на одних инстинктах, — ударил плечом в грудь наёмника, сбил его с ног. И побежал. Через заднюю дверь модуля. В ночь. В тайгу. Сзади гремели выстрелы. Пули вспарывали снег, срезали ветки. Илья бе-

жал, прижимая Ключ к груди, и с каждым шагом, с каждым ударом сердца чувствовал, как объект теплеет. Тайга приняла его. Чёрная, ледяная, безжалостная. Он бежал, пока не кончились силы. Потом шёл. Вертолёты кружили над лесом, их прожекторы шарили между стволов — слепящие пальцы, ищущие его. Илья забился под корни упавшей лиственницы. Лёг на снег. В ладони, прижатый к сердцу, Ключ тихо пульсировал. Свет в «зрачке» горел ровно, спокойно, как маяк.

— Кто ты? — прошептал Илья. — И зачем ты им? Ключ не ответил. Но Илья почувствовал ответ. Ключ указывал путь. Он повернулся. На юго-запад, в сторону материка. Древний компас. Вертолёты ушли на восток. Илья подождал ещё полчаса. Потом встал. Лагерь горел. Оранжевое зарево поднималось над чёрными ёлками, подсвечивая облака. Там, у скважины, остались тела его коллег. Его друзей. Кости. Он сжал Ключ так, что костяшки побелели. И пошёл на юго-запад. В неизвестность, которая только начиналась.

Илья шёл уже пять часов. Полярная ночь не различала времени. Чёрное небо, чёрный лес, чёрный снег под ногами — только налобный фонарь выхватывал из темноты стволы лиственниц, белые, как кости. Фонарь Илья снял с трупа. Труп лежал в трёхстах метрах от лагеря. Один из наёмников — видимо, его послали в обход, и он напоролся на что-то в темноте. На сук? На штырь? На собственную пулю, срикошетившую от мёрзлого дерева? Илья не стал разбираться. Он забрал фонарь, забрал винтовку — австрий-

ский «Штайр», почти невесомый, с полным магазином, — забрал нож, забрал паёк. Обыскал карманы в поисках документов. Документов не было. Ни имени, ни звания, ни нашивки. Только пластиковая карта-пропуск с голограммой: стилизованная гора, вписанная в шестерёнку. И три буквы внизу: «ТВР». «Твердь».

Илья слышал это название. Корпорация. Транснациональная. Добыча редкоземельных металлов, энергетика, климатические проекты. В последние годы они активно скупали лицензии на геологоразведку по всей Сибири. Но чтобы нанять ЧВК? Чтобы расстрелять гражданскую экспедицию? Он сунул карту в карман и пошёл дальше. --- К рассвету — если можно назвать рассветом серую полосу, на полчаса разорвавшую тьму над горизонтом, — Илья прошёл около двадцати километров. Вертолёты кружили где-то севернее, прочёсывая тайгу. Один раз он слышал лай собак — значит, пустили поисковую группу. Но собаки быстро потеряли след. Ключ вёл себя странно. Он не просто указывал направление. Временами он теплел — и тогда Илья чувствовал странную лёгкость во всём теле, будто кто-то брал часть веса на себя. Временами холодел — и тогда Илья знал: опасность. Нужно замереть. Ждать. Сейчас Ключ был холодным. Илья присел за ствол поваленной лиственницы и замер. Снег скрипел где-то справа — мерно, ритмично, как шаги. Он снял винтовку с предохранителя и прижался щекой к прикладу. Шаги приближались. Из темноты выплыла фигура. Не наёмник —

зверь. Огромный, выше человеческого роста, с белой шерстью, отсвечивающей в свете фонаря. Медведь? Нет. Да и нет у медведя таких глаз. Глаза светились. Синим. Холодным. Как Ключ, когда он предупреждал об опасности. Зверь остановился в десяти метрах. Повернул голову — и Илья увидел, что это не живое существо. Шерсть была не шерстью, а чем-то вроде оптического волокна. Движения — слишком плавные, слишком точные. И этот синий свет в глазах Ключ в руке Илья запульсировал — часто, тревожно. Зверь склонил голову набок, словно прислушиваясь. Потом развернулся и исчез в темноте — беззвучно, как призрак. Илья выдохнул. Ключ. Теперь он показывал не на юго-запад, а строго на юг.

--- Через час он вышел к реке. Река была мёртвой — замёрзшей до дна, припорошённой снегом, — но русло угадывалось по изгибу берегов. Здесь, в низине, деревья росли гуще. Здесь можно было укрыться от вертолётов. Здесь можно было развести огонь. Илья нарубил лапника, сложил в яме под выворотнем, поджёг таблеткой сухого спирта из пайка наёмника. Огонь занялся неохотно — дрова были сырые, мёрзлые, — но через несколько минут костёр уже гудел, разбрасывая искры в чёрное небо. Илья сел спиной к стволу и впервые за всё время позволил себе закрыть глаза. Костя. Лена. Сашка-оператор. Володя, который вчера показывал фотографии новорождённой дочери. Они все остались там, у скважины. Лежат в снегу.

Он достал карту-пропуск. Повертел в пальцах. Голограм-

ма блеснула в свете костра — гора, вписанная в шестерёнку. «Твердь». Какая ирония: он четыре года искал кратер, а нашёл нечто, способное изменить мир. И мир тут же попытался это нечто у него отнять. Ключ лежал у него на коленях. Тёплый. Спокойный. Ждущий. — Ты знаешь, кто они, — сказал Илья. — Ты знаешь, зачем ты им. И ты знаешь, куда нам идти. Я прав?

Свет в «зрачке» мигнул. — Тогда слушай. Я не знаю, кто тебя создал. Я не знаю, зачем ты здесь. Но если ты поможешь мне найти тех, кто это сделал, — я помогу тебе. Что бы тебе ни было нужно. Тишина. Только костёр трещит, только ветер гудит в вершинах, только снег оседает с лапника — тяжёлый, мокрый, неумолимый. А потом появилась голограмма. --- Огромный зал. Стены уходят вверх на сотни метров, по ним струится свет, переливается. Посередине зала — колонна из того же материала, что и Ключ. Вокруг колонны — фигуры. Они похожи на людей, но выше, тоньше. Земля. Это Земля — но другая. Небо — оранжевое, непривычного оттенка. В воздухе пахнет озоном и чем-то сладким, как гниющие фрукты. У горизонта поднимается зарево — не пожар, но что-то близкое, что-то, от чего дрожит воздух. Фигуры замирают, поворачивают головы — все разом, как единый организм, — и смотрят вверх. Небо разрывается. Из разрыва выпадает корабль — чёрный, угловатый, не похожий ни на что, созданное человеческой рукой. Он падает не вниз — он падает сквозь. Сквозь небо, сквозь воздух, сквозь саму ткань

реальности. И там, где он проходит, остаётся шрам. Фигуры поднимают руки. Свет на стенах гаснет. --- Илья очнулся. Костёр догорел. Небо над головой было чёрным, но на востоке уже пробивалась та самая серая полоска — полярный рассвет, короткий, как вздох.

Ключ в его руке молчал. Но теперь он был не просто тёплым — он был горячим. Как будто работа потребовала энергии. Мысли путались, но одна была ясной, как полярная звезда над головой: он видел не фантазию. Он видел запись. Реальную запись событий, произошедших миллионы лет назад. Человечество. Они жили здесь. Они строили. И они ушли, оставив после себя Ключ — и ещё что-то. Что-то, что «Твердь» хотела заполучить любой ценой. --- Рация наёмника, которую Илья снял с трупа, ожила на рассвете. Сначала — шипение. Потом — голос. Хриплый, властный, с лёгким акцентом, который Илья не смог опознать: — Всем постам. Доклад.

— Пост три. Чисто.

— Пост семь. Чисто.

— Пост один. Обнаружено тело Дэвиса. Оружие и снаряжение отсутствуют. Объект ушёл на юг.

Пауза. Потом — снова первый голос: — Продолжать поиск. — Принято. Рация замолчала. Илья выключил её и убрал в карман. Он встал. И пошёл на юг. --- Днём он нашёл зимовьё. Старая охотничья избушка, вмёрзшая в склон холма, — пять квадратных метров, печка-буржуйка, нары,

запас дров под потолком. Кто-то оставил здесь крупу, соль, спички и даже флягу со спиртом. Илья затопил печь, вскипятил воду, сварил кашу. Ел медленно, растягивая удовольствие, чувствуя, как тепло растекается по телу. Ключ лежал на столе. Он больше не пульсировал. Илья ел и думал. Он думал о том, что видел. Огромный зал. Корабль, падающий сквозь реальность. «Мы оставили это вам». Что — «это»? Ключ? Или нечто большее? Он думал о «Тверди». Если они знали об объекте — а они знали, раз прилетели так быстро, — значит, экспедиция была под наблюдением с самого начала. Может быть, даже сам проект «Таймыр-три» был частью чьего-то плана. Он думал о белом звере. Светящиеся глаза. Оптическое волокно вместо шерсти. Это был не зверь. Это был страж. Часть системы. И система знала, что Ключ у него. Илья доел кашу, вытер миску и достал спутниковый телефон — свой собственный, который чудом уцелел во внутреннем кармане термостюма. Сигнала не было. Либо спутник не проходил над этой точкой, либо «Твердь» глушила связь. Он убрал телефон и достал карту-пропуск. Повертел в пальцах. Потом положил на стол рядом с Ключом. И Ключ отреагировал. По его поверхности пробежала волна света — и карта-пропуск засветилась в ответ. Голограмма на карте изменилась. Гора и шестерёнка исчезли, уступив место другому изображению: три точки, соединённые линиями в треугольник. Под каждой точкой — координаты. Илья схватил карту. Всмотрелся. Первая точка: Алтай. Где-то в

районе плато Укок. Вторая: Таймыр. Он был здесь. Здесь нашли Ключ. Третья: плато Путорана. Глухой, неисследованный район вулканических озёр и каньонов. Треугольник. Огромный — тысячи километров между вершинами. И в центре — значок, которого Илья не понял: спираль, уходящая в точку. Он взял ключ. Теперь. В сторону Алтая. К первой точке. Он переписал координаты в блокнот. Затем сунул карту обратно в карман, Ключ — во внутренний, поближе к сердцу. Проверил винтовку. Надел термокостюм. В дверь постучали. Илья замер. Стук повторился — три удара, размеренных, спокойных. Не наёмник. Наёмник выбил бы дверь ногой и бросил гранату. Илья снял винтовку с предохранителя. Подошёл к двери. Встал сбоку, чтобы не попасть под выстрел. — Кто? — Открой, — сказал голос. — Я не враг. Голос был старческий, надтреснутый, но в нём звучало что-то такое, отчего Илья, вопреки всякой логике, отодвинул засов. На пороге стоял старик. Борода до пояса, седая, в сосульках. Глаза — светлые, почти прозрачные, как вода в ручье. Одет в малицу, подпоясанную сыромятным ремнём. В руках — посох, покрытый резьбой, которая напоминала узоры на поверхности Ключа. — Ты Илья, — сказал старик. Не спросил — констатировал.

— Кто вы?

— Меня зовут Ерофей. Я ждал тебя.

— Откуда вы знаете моё имя? Старик перевёл взгляд на грудь Ильи, туда, где под термокостюмом лежал Ключ. — Я

слышу его уже третьи сутки. Он поёт. Громко. На весь Таймыр. Илья опустил винтовку.

— Заходите. Старик шагнул через порог, и в зимовье сразу стало теплее — словно он принёс с собой не холод, а что-то другое. Что-то, чему Илья пока не мог подобрать названия. Ерофей сел к печке, протянул руки к огню. Посох прислонил к стене. — Ты не знаешь, что у тебя в руках, — сказал старик. — Но я знаю. Мои предки хранили эту тайну триста лет. С тех пор, как мы ушли в леса.

— Какую тайну?

— Тайну Ключа. — Он посмотрел на Илью, и в его глазах отразился огонь. — Ты готов слушать? По-настоящему? Илья кивнул. Старик вздохнул — и начал говорить.

Глава 2.

След.

— Триста лет назад, — начал Ерофей, — мой пращур, Афанасий, бежал из города. Он замолчал, глядя в огонь. Илья не торопил. — В лесах Архангельской губернии Афанасий наткнулся на пещеру. Глубокую — до самого сердца земли. В той пещере он нашёл зал. Огромный, как собор, но построенный не людьми. Стены светились. А в центре стоял алтарь, и на алтаре лежал. Ключ.

— Ключ? — Илья нахмурился. — Но мы нашли его во льду. В двухстах метрах под землёй.

— Ключ — один, а обличий у него — много. — Старик пожал плечами. — Афанасий записал всё, что увидел. Его

рукописи передавались из поколения в поколение. И в них сказано: «Сей предмет не от мира сего. Он говорит с тем, кто умеет слушать. Он открывает путь к Сети — жилам Земли, по которым течёт не кровь, но сила. И сила эта способна изменить всё».

— Что значит — изменить всё?

— Климат. Материю.— Ерофей провёл ладонью над огнём, и тени на стенах дрогнули. — Первые умело это. Они не жгли уголь и не травили небо. Они жили в ладу с планетой, потому что говорили с ней. А Сеть была их языком. Илья молчал. За стенами зимовья выл ветер.

— Почему они ушли?

— Небо погасло, — просто сказал старик. — Так написано у Афанасия. «И пришла Тьма, и закрыла Солнце, и длилась пять тысяч лет. И Первые ушли.».

— Куда?

— В небо. В сторону Ориона. На ковчегах, которые были больше городов. Илья достал Ключ из-под термокостюма. Положил на стол. В свете керосиновой лампы он казался чёрным, мёртвым — просто кусок непонятного металла. Но Илья знал: он живой. Он слушает.

— Вы сказали, что слышите его. Как?

— Не ушами. Сердцем. —сказал Старик. — Он поёт на частоте, которую не ловят ваши приборы. Человек, если он долго живёт в тишине, учится слышать. Илья вспомнил белого зверя. Светящиеся глаза. Оптическое волокно вместо

шерсти.

— В лесу есть стражи, — сказал он. — Я видел одного.

— Хранители. Они часть Сети. Охраняют узлы. Если Ключ у тебя — они пропустят.

— Сколько узлов?

— Три. — Старик поднял три пальца. — Один на Алтае. Один здесь, на Таймыре. Один на плато Путорана. Если активировать все три — Сеть проснётся.

— И что тогда?

— Не знаю. В рукописях Афанасия сказано только: «Когда Сеть проснётся, небо заговорит, и Первые вернутся». Илья смотрел на Ключ и думал. Три точки. Алтай, Таймыр, Путорана. Треугольник. В центре — спираль. — На карте есть ещё один знак, — сказал он. — В центре треугольника. Спираль. Что это? — Этого нет в рукописях.

— Тогда откуда он на карте? Старик промолчал.

— Мне нужно идти, — сказал Илья.

— Знаю. — Ерофей поднялся, взял посох. — Я выведу тебя к старому зимнику. Оттуда — двести вёрст до Хатанги. В Хатанге найдёшь людей.

— Почему вы помогаете мне? Старик посмотрел на него долгим взглядом. — Потому что триста лет мы ждали. Ждали того, кто возьмёт Ключ и не побоится идти до конца. Ты — первый. Может быть, единственный. Он шагнул к двери, но остановился на пороге. — И ещё. Люди, которые охотятся за тобой. Они не знают, что такое Сеть. Они думают — это

оружие. Или источник энергии. Но Ключ — не оружие.

— А что же?

— Выбор. Старик вышел в ночь.--- В Хатангу они вышли через четверо суток. Посёлок на берегу реки — несколько десятков домов, метеостанция, аэропорт, способный принимать только малую авиацию. Ерофей привёл Илью к одноэтажному дому на окраине. Постучал особым стуком — два длинных, три коротких. Дверь открыл коренастый якут лет пятидесяти с лицом, изрезанным морщинами, как старая кора. — Здравствуй, Михаил, — сказал старик.

— Здравствуй, Ерофей. — Якут перевёл взгляд на Илью. — Это он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.